

741 внезапно материализовался в воздухе и удивленно произнес:

— Перерождение? Хозяин, это ты увидел во сне? Тогда, в конце сна, у Чи Цюняня не возникло никаких вопросов?

Линь Сю помолчал немного, затем поднял руку, прикрыл глаза и ответил:

— Он спросил, буду ли я всегда с ним. Я ничего не ответил. Только и всего.

Услышав это, 741 покрутился в воздухе:

— Наверное, как раз потому ты ему и не ответил. Стоит возникнуть навязчивой идее, как она будет преследовать человека, пока он не добьется желаемого.

Линь Сю холодно усмехнулся в ответ:

— Если рассуждать так, то в Поднебесной слишком много таких людей, как Чи Цюнянь. Если переродиться можно лишь из-за того, что остался без ответа на один-единственный вопрос, то сколько же тогда в этом мире переродившихся!

— Но ведь Чи Цюнянь — главный герой! Его душа намного сильнее, чем у обычных людей! — возразил 741.

Линь Сю не хотел спорить и устало произнес:

— Навязчивая идея Шу Цзю была достаточно сильной, но она лишь превратилась в лютого призрака, бродящего по миру людей, а не переродилась. Скажи мне, Сяо Ци, что здесь на самом деле происходит?

— Ладно-ладно, я понял, — с досадой отозвался 741. — Так и быть, расскажу. Хозяин, ты помнишь? В прошлый раз по сюжету У Цин вырвал тебе сердце. Вообще-то У Цин наложил заклятие, и после извлечения сердца твоя душа должна была рассеяться. Конечно, лишь в теории: с нашей системой тебя бы просто перенесло в другой мир, и твоей жизни ничто не угрожало бы. Я уже выбрал подходящий момент, чтобы открыть пространственно-временной туннель, но...

Линь Сю подхватил:

— Но я тогда попросил тебя о помощи, поэтому не смог уйти.

— Да. Стоит открыть пространственно-временной туннель, как он неминуемо начнет втягивать чью-то душу. Из-за врожденного отторжения инородных тел в этом сюжетном мире Чи Цюнянь, чья навязчивая идея была сильнее всех, оказался втянут внутрь и в результате переродился. Но это еще не самое главное. В этот раз, хозяин, ты пообещал Чи Цюняню пожениться на нем. Если бы ты остался в этом мире до самой естественной смерти, навязчивая идея Чи Цюняня растворилась бы сама собой. Но...

— Но в конце концов я уйду, и за надеждой тут же последует отчаяние, отчего навязчивая идея станет только сильнее. Ты хочешь сказать это, Сяо Ци? И что дальше? Каковы будут последствия, если навязчивая идея Нянь-эра — главного героя, обладающего сильнейшей душой в этом мире, — еще больше усугубится? Выкладывай всё разом.

741 вздохнул:

— Если и третье перерождение не принесет желанного исхода, он погрузится в бесконечную цикличность.

— Третье перерождение? Почему будет еще и третье?

— Поскольку открытый мною пространственно-временной туннель уже затронул Чи Цюняня, в этот раз, когда ты, хозяин, уйдешь, Чи Цюнянь, скорее всего, снова окажется в него втянут.

— Что это за бесконечная цикличность? — снова спросил Линь Сю.

— Снова и снова переживать события этих трех миров. В начале каждого повторения всё будет забываться, а воспоминания вернутся лишь после завершения цикла. Накопленная навязчивая идея неизбежно обратится демонической.

— Ха! Какая прелесть: накопленная навязчивая идея неизбежно обратится демонической! Любовь — и впрямь штука невыносимая!

— Хозяин, ты в порядке? — боязливо произнес 741. — Вообще-то можешь немного расслабиться: а вдруг Чи Цюняня не затянет в пространственно-временной туннель? А даже если и затянет, кто знает, может, Чи Цюняню удастся исполнить свое желание в третьей жизни?

Ответом 741 был ленивый голос Линь Сю:

— А, ну может быть.

Дверь снаружи кто-то толкнул, и Чи Цюнянь вошел с тазом горячей воды, сияя на лице довольной улыбкой человека, чье заветное желание наконец исполнилось:

— Брат Линь Сю, я угадал, что ты скоро проснешься, и принес тебе горячей воды.

Но сколько может продержаться такая улыбка?

Почувствовав чему-то, что эта улыбка режет глаза, Линь Сю просто отвернулся, натянул одеяло с головой и глухо пробормотал:

— Я не хочу вставать.

Чи Цюнянь поставил таз, подошел к постели и с усмешкой произнес:

— Первый раз вижу, чтобы ты капризничал, брат Линь Сю. Не хочешь — и не надо, я побуду с тобой.

С этими словами он сбросил обувь и забрался на кровать.

Еще и капризничаю! Линь Сю скривил губы, но послушно подвинулся, освобождая половину места и одеяла, чтобы Чи Цюнянь смог залезть под него. В тот же миг его талию крепко обхватила пара рук. Прижавшись спиной к плечу Чи Цюняня и чувствуя биение чужого сердца за спиной, Линь Сю несколько раз пытался заговорить, но не знал, что именно сказать.

Зато заговорил Чи Цюнянь, и счастье в его голосе едва не переливалось через край:

— Как же хорошо!

— Ага, — закрыв глаза, отозвался Линь Сю. — Хорошо!

После нескольких дней напряженных приготовлений наконец настал день свадьбы юного господина из Резиденции премьер-министра.

По завершении церемонии поклонения небу и земле невесту проводили в брачные покои, а Линь Сю как жениху пришлось остаться снаружи, чтобы принимать поздравления от братьев и друзей. Когда со всеми застольями было покончено, луна уже поднялась в зенит. Проводив гостей вместе с премьер-министром, Линь Сю лишь под покровом лунного света вернулся в брачные покои.

В комнате Чи Цюнянь тихо сидел на кровати, укрытый свадебным покрывалом. Линь Сю взял лежавшие рядом весы для свадебного ритуала и приподнял покрывало, открывая скрытые под ним изящные черты лица. Его брови и глаза были такими, какими Линь Сю их и представлял — несравненными и ослепительными.

Будучи геем, Линь Сю никогда и помыслить не мог, что однажды женится, да еще и на столь великолепном человеке. Жаль только, что подобным дням суждено длиться всего один день.

— Закрой глаза, Нянь-эр, у меня для тебя кое-что есть, — с улыбкой бросил Линь Сю покрывало в сторону.

Глаза Чи Цюняня блеснули:

— Хорошо.

Линь Сю в награду поцеловал его в уголках губ, а затем добавил:

— Не смей открывать, пока я не разрешу!

— Угу.

— Ну вот. Считаю: три, два, один. Готово! Открывай, Нянь-эр.

Когда Чи Цюнянь открыл глаза, в комнате не было ни души. Неизвестно почему, но от этой картины его сердце пронзила почти удушающая боль. Внезапно из-за двери донесся звук шагов, и Чи Цюнянь резким движением вскочил с кровати и бросился к выходу.

Распахнув дверь, он как раз увидел женщину в традиционном свадебном наряде, стоявшую на пороге. С улыбкой на лице она сладко и жеманно произнесла:

— Муж мой~

У Чи Цюняня градом хлынули слезы, он судорожно прижал руку к груди и отшатнулся на несколько шагов назад.

Заметив это, женщина поспешно шагнула вперед, поддержала его и с тревогой спросила:

— Муж мой, что с тобой? Нужно ли служанке позвать лекаря?

— Ничего, жена моя. Муж... твой муж, должно быть, просто слишком счастлив.

С этими словами Чи Цюнянь через силу растянул губы в улыбке, но на фоне залитого слезами лица это вызвало лишь беспредельную, ничем не обоснованную скорбь.

<http://bllate.org/book/21667/2235534>